

ИСЛАМ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

ISLAM IN SOVIET AND POST-SOVIET TAJIKISTAN

R. Bobokhonov

Annotation

Islam as a religion and ideology acted as the main competitor and opponent of the Soviet Communist ideology in the first years of establishment of Soviet power in Tajikistan. Basmachi – as a Holy Jihad against the Soviet power in the Republic began in 1918 and lasted until 1934. In the course of this war in Tajikistan is gradually destroyed physically bright members of the clergy, among whom was educated jadids, mullahs, isana, feasts, etc. Instead, there had been a major atheistic anti-religious propaganda in all places and at all levels. In the post-Soviet period in Tajikistan, the intensification of the Islamic forces led by Tajik society to civil war. The civil war in Tajikistan, where the Islamic opposition has been actively involved, was the starting point for the destabilization of the political situation in all the republics of Central Asia. Political and military activity of the Islamists in Tajikistan in the event of success could provoke civil conflict throughout Central Asia.

Keywords: Islam, Islamic organizations, Tajikistan, Soviet, post-Soviet civil war, the Islamists.

Бобохонов Рахимбек Сархадбекович

Ст. научный сотрудник,

Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН

Аннотация

Ислам как религия и идеология выступал в качестве главного конкурента и противника советской коммунистической идеологии еще в первых годах установления советской власти в Таджикистане. Басмачество – как священный джихад против советской власти в республике началось с 1918 года и продолжалось до 1934 года. В ходе этой войны в Таджикистане постепенно физически уничтожались яркие представители духовенства, среди которых были образованные джадиды, муллы, ишаны, пиры и т.д. Вместо этого была развернута широкая атеистическая антирелигиозная пропаганда во всех местах и на всех уровнях. В постсоветское время в Таджикистане активизация исламских сил привела таджикское общество к гражданской войне. Гражданская война в Таджикистане, где исламская оппозиция принимала активное участие, стала отправной точкой для дестабилизации политической ситуации во всех республиках Центральной Азии. Политическая и военная активность исламистов в Таджикистане в случае успеха могла спровоцировать гражданский конфликт на всем пространстве Центральной Азии.

Ключевые слова:

Ислам, исламские организации, Таджикистан, советский, постсоветский, гражданская война, исламисты.

Ислам как общественный институт в начале XX века был широко представлен во многих сферах жизни таджикского общества. Тем не менее, у ислама часто возникали проблемы разного характера. Традиционное таджикское общество было богато разными древними традициями, обычаями, ритуалами, древними верованиями, обычным правом, святынями и культовыми мазарами, захоронениями и т.д., которые противоречили нормам и законам ислама. Поэтому ислам как религия всегда пытался растворить традиционную жизнь таджиков, вступая в борьбу с пережитками древних доисламских верований, с нормами обычного права, ритуалами и обрядами и т.д. повсеместно. Многовековая борьба ислама против традиционализма в таджикском обществе, которая продолжалась и в начале XX века не всегда была успешной. Хотя ислам постепенно включал в общемусульманскую мифологию многие демонологические образы таджикско-иранского пантеона, придавая им лишь арабские названия, тем не менее, за бортом оказались огромные пласты древней –

богатой архаичной и постархаичной культуры таджиков[1, с.3–13; 2].

Ислам как религия и идеология выступал в качестве главного конкурента и противника советской коммунистической идеологии еще в первых годах установления советской власти на территории Центральной Азии, особенно в Таджикистане и Узбекистане. Общественно – просветительское движение "джадидизм" и военно-политическое сопротивление "басмачества" имели религиозно – идеологический характер. Если в первые годы большевикам удавалось склонить в свою сторону большую часть "джадидов" и их лидеров, то ожесточенная борьба с "басмачеством" продолжалась еще на годы вперед. Первые значительные очаги "басмачества", как политического партизанского движения возникли после разгрома большевиками Кокандской автономии на территории Туркестана, а после проведения национального размежевания – на территориях современных Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии,

ставившее своей целью борьбу с советской властью и изгнание большевиков. Об этом подробнее можно прочесть в работе "Басмачество – как священный джихад против советской власти"[3; 4].

В 20 – 30 – годы во всех республиках Центральной Азии постепенно физически уничтожались яркие представители духовенства, среди которых были образованные джаиды, муллы, ишаны, пиры и т.д. Разрушались или закрывались культовые здания: соборные мечети, религиозные высшие образовательные учреждения (медресе), библиотеки, хранилища книг и рукописей по исламу, культовые мазары, мавзолеи и усыпальниц известных пиров и ишанов (место паломничества многих мусульман) и т.д. Вместо этого была развернута широкая атеистическая антирелигиозная пропаганда во всех местах и на всех уровнях. Очень активно действовали полевые общественно-научные организации "Знание", в состав которых входили лекторы, читающие лекции антирелигиозного характера. Атеистическая борьба велась не только против ношения хиджабов и никабов среди женщин и девочек, но и против всего комплекса архаичных элементов в хозяйстве, быте и духовной жизни всех жителей республики, в особенности в ее горной части. Главным лозунгом этой борьбы был призыв за равноправие мужчин и женщин в строящемся социалистическом обществе, что подрывало базовых основ правового ислама по вопросам брака, семьи и роли женщин в обществе. Во время проведения кампании по ликвидации безграмотности среди местного населения основное внимание уделялось антирелигиозной пропаганде. Отказ от арабской письменности, переход на латын, затем на кириллицу постепенно закрывал людям доступ к мусульманским книгам и источникам, которые были написаны на персидском или арабском языках. В средних школах, на полях и у станках молодые девушки и женщины разных возрастов не только перестали носить хиджаб или никаб, но и активно включились в новую светскую общеобразовательную систему[5; 6].

Такая же религиозная ситуация была и в Таджикистане. В новом социалистическом таджикском обществе религиозное сознание у местного населения постепенно уходило в прошлое, но традиционные элементы культуры и быта, которые исторически и частично были соединены с исламом, продолжали функционировать и о себе давали знать. Поэтому многие историки – этнографы все советские годы в рамках этнографических, лингвистических и археологических наук стали пристально изучать огромные пласты древней ирано-таджикской архаичной и постархаичной культуры. Автор был участником этого научного процесса. Во время многочисленных полевых экспедиций в разных районах Таджикистана в советские и постсоветские годы в ходе детального изучения различных пластов материальной и духовной культуры таджиков мы пришли к главному выводу: традиционные домусульманские верования, нормы обычного права – "Одат", тра-

диционные "мужские дома", культовые мазары, захоронения, каменные рельефы, изображающих святых – "чильтаны"("сорок тел" – в переводе с персидского) и т.д. параллельно существовали с исламской религией во всей истории ислама в Таджикистане. Более того, древние обычаи и традиции таджикского народа во все времена являлись источником фикха в ханафитском мазхабе и местным тарикатам тасаввуфа и внесли огромный вклад в эволюции исламской мысли всей Центральной Азии[7].

Например, в ходе этнографического изучения края (80–90-е годы прошлого и первые годы нынешнего столетия) мы убедились в том, что среди горных таджиков, особенно в труднодоступных горных селениях, очень хорошо сохранились некоторые элементы древних доисламских верований, которые играют немаловажную роль в их общественной жизни. Ими насыщены все ритуалы, выполняющиеся в обрядной порядке. Сохранившиеся элементы древних верований у горных таджиков, прежде всего, вытекают из древней и богатой иранской мифологии. Зороастрийские представления, которые были распространены еще в древности на территории "Исторического Таджикистана" сегодня хорошо сохранились у горных таджиков, несмотря на влияние многих религий, в частности ислама [8, с.3–12; 9].

Или другой пример, касающийся традиционным "мужскими домам", которые функционировали на протяжении многих веков истории Таджикистана. В ходе полевых работ автором была изучена и проанализирована тема традиционных "мужских домов", которые еще существовали в конце XIX и начале XX в. у горных таджиков. Многочисленными свидетельствами подтверждаются различия в типах помещений для объединений мужчин, в их названии, в их правовом статусе у разных групп таджиков [10, с.170]. Один из типов помещений для объединений мужчин назывался "аловхона" или "алоу-хона" ("дом огня"). Об этом пишет Н.А. Кисляков [11, с. 87–89]. "Аловхона", по его мнению, как "своеобразный атрибут общины сохранился у горных таджиков вплоть до 40-х гг. XX в. и неоднократно привлекал к себе внимание этнографов" [11, с.88]. В Каратегине и Дарвазе вплоть до 70-х гг. XIX в., т.е. до времени присоединения этих районов, бывших ранее независимыми владениями, к Бухарскому ханству, хонако (место молитвы) вообще не было. В ряде кишлаков функцию мечети (как помещения для молитвы) выполняла алоухона, для чего в ней устраивали михроб (место, где мулла читает азан во время коллективного намаза). Однако сразу после установления в крае власти эмира Бухары его наместник Худой Назар Аталык признал такое положение противоречащим мусульманскому благочестию и повелел повсеместно рядом с алоухона возводить хонако [11, с.88–89]. Н.А. Кисляков еще в 1936г. довольно подробно описал функции "мужских домов" аловхона у горных таджиков Вахио-Боло[12, с. 104 – 106.]. В его трудах очерчена область распространения аловхона в его классической форме – "горные районы

Восточной Бухары – долина р. Сурхоба (Каратегин), долины рек Хингоу и среднего Пянджа (Дарваз), горные местности по верховьям рек Кизыл-су и Ях-су и Гиссарская долина" [11, с.89]. Об аловхона в Каратегине и Дарвазе еще в конце XIX века писал Г.А. Арандаренко [13, с.319]. Л.Ф. Моногарова пишет, что в Язгулеме "в прошлом" помещение современной мечети являлось общим домом для гостей и, как алоу-хона горных таджиков, местом общественных трапез и увеселений для мужчин"[14, с.54]. Развивая эту мысль, М.А. Хамиджанова утверждает, что "в Матче в наиболее старых мечетях отдельной алоухона не было, и ее функции выполняли сами здания мечети"[15, с.25–26]. Подробные сведения о традиционных "мужских домах" горных таджиков содержатся в трудах М.С. Андреева [16, с.163–165; 17, 164–165]. Интересные материалы о подобных домах мы находим и в других работах советских этнографов [18, с.23–24; 19, с.56 ; 20, с. 118 – 164]. Как мы видим, все исследования, касающиеся проблемы традиционных "мужских домов" в Таджикистане, посвящены лишь периоду второй половины XIX – первой половины XX вв., поскольку к этому времени все традиционные "мужские дома" по всей республике были закрыты. Вместе с ними во второй половине XX в. во всей республике, в особенности в ее горной части, были построены "мужские клубы" светского характера, которые в постсоветское время трансформировались в мечети [21, с.55–65; 22].

Эти два примера показывают, что в таджикском обществе на кануне и в первые годы советской власти традиционная культура вобрала в себя не только ислам, но и огромные пласты богатой древней доисламские иранско-таджикской мифологии. В ходе антирелигиозной кампании в советские годы больше всего подвергалось гонению сама религия ислам, а огромные пласты древней иранско-таджикской мифологии стали объектами научного исследования историко-этнографической науки. Таким образом, традиционные народные верования так или иначе сохранились и продолжали функционировать в ограниченном масштабе, в большей степени, в горной части республики. Советская модернизационная модель развития сыграла огромную роль в упадке традиционализма в таджикском обществе в целом. Эта проблема подробно изучена и анализирована в работе автора "Таджикистан (XX в.). Упадок и возрождение традиционализма"[23, с.5–6]. В постсоветское время в таджикском обществе начался процесс возрождения традиционализма в новых исторических условиях и в жесткой конкуренции с вновь возрождающимся исламом (об этом подробнее ниже).

Еще в первые годы советской власти, как было отмечено выше, были закрыты все религиозные школы и мечети во всех республиках Центральной Азии, за исключением нескольких мечетей и религиозных центров в центральных населенных пунктах, взятых под жесткий контроль государство. Вся общественная религиозная мысль

ушла в подполье. Таким образом, Советская власть лишила религиозных деятелей возможности участия в политической, социально – экономической, правовой и культурной жизни страны. Но сам институт ислама в дальнейшем использовался во внешнеполитических целях СССР. Речь идет о взаимоотношении Советского Союза со многими мусульманскими странами в разные периоды мировой истории XX века. В самих мусульманских странах под влиянием Европы в конце XIX – начале XX века, стала обосновываться идея отделения религии от государства и от политики. В течение десятилетий, особенно после второй мировой войны, правители новых, возникших независимых мусульманских стран энергично отщесняли от власти религиозные группы. Тем не менее, идея единства ислама и политики была и остается одной из основ политической культуры мусульманского мира[24, с.24]. Советская власть понимала, что институт ислама так или иначе, рано или поздно нужно было легализовать. Создание в 1943 г. Среднеазиатское духовное управление мусульман (САДУМ), координировавшее деятельность мусульманских общин Средней Азии и Казахстана, было важным шагом в этом направлении[25]. Религиозная деятельность САДУМ была полностью взята под жесточайший контроль советского государства.

САДУМ и другие муфтияты СССР сыграли очень важную роль во взаимоотношениях СССР с мусульманскими странами мира. У Советского Союза в послевоенное время (в период распада колониальной системы и после нее) постепенно сложились хорошие дружеские отношения со многими мусульманскими странами. Поэтому нужно было создавать декоративную религиозную систему, куда могли входить основные религии: христианство, ислам, буддизм и иудаизм. Согласно этой декоративной системе, в городах Центральной Азии, в том числе и в Таджикистане, были сохранены центральные мечети, которые могли официально функционировать. В сельской местности властями было дано негласное разрешение старикам совершать вечерние молитвы в новых мужских клубах [26]. Но в каждом мужском клубе были внедрены агенты или осведомители советской власти и ее правоохранительных структур, которые строго следили за религиозной жизнью граждан. В центральных мечетях (в городах) сами священнослужители были вынуждены либо стать агентом советской власти, либо тесно с нею сотрудничать. Тем не менее, огромное количество людей, в особенности дети и подростки, как в городах, так и в сельской местности не могли посещать мечети и мужские клубы [26]. Эта группа населения в дальнейшем, как наши исследования показывали, постепенно были вовлечены в исламские подпольные школы – "хуфия". Об этом подробно написано в работе автора "Мужские клубы, как институт гражданского общества в Таджикистане (XX в.)" [21, с.55–65].

Наряду с исламскими подпольными школами в 50–60- гг. XX в. постепенно появились и первые подпо-

льные исламские организации, не только в городах, но и в сельской местности. Первые подпольные организации, как правило, были небольшими и имели от 3–х до 10 членов, поскольку коллективное собрание мужчин вне мужского клуба было заметным явлением и жестко преследовалось правоохранительными структурами. У них не было названия, устава и четких план действий. Но главная цель и задачи были определены: нести в массы путем пропаганды идеи и знание ислама. В городах члены этих подпольных организаций на уровне "махаллы" ("местность, квартал, улицы" – в переводе с таджикского) агитировали свои религиозные идеи, вступая часто в спор с официальными священнослужителями или представителями интеллигенции, занимающимися вопросами культуры и образования. В сельской местности члены подпольных исламистских организаций посещали мужские клубы и вступали в доверительный контакт с некоторыми его членами, чтобы в дальнейшем их привлечь в свою сторону. Как показывают наши исследования, такой метод был очень эффективен с точки зрения конспирации и нелегальной агитационной деятельности. В ходе полевых работ автор неоднократно встречался не только с бывшими выпускниками подпольных исламских школ, но и с некоторыми бывшими и действующими членами подпольных исламистских организаций в разные годы и в разных районах республики. Следует отметить, что члены подпольных исламистских организаций и бывшие выпускники подпольных исламских школ открыто стали выступать и агитировать свои идеи лишь в эпоху Гласности и Перестройки в середине 80–х гг.[21, с.63–64].

В постсоветское время судьба ислама в республиках Центральной Азии сложилась по-разному. Если в Таджикистане активизация исламских сил привело таджикское общество к гражданской войне, то в Узбекистане активность исламских организации была жестоко подавлена полицейским режимом Ислама Каримова, многие исламисты были вынуждены покинуть пределы республики или уходить в глубокое подполье. В Казахстане, Туркменистане и Киргизии деятельность исламских организаций либо были запрещены, либо были взяты под жесточайший контроль новых режимов.

Гражданская война в Таджикистане, где исламская оппозиция принимала активно участие, стала отправной точкой для дестабилизации политической ситуации во всех республиках Центральной Азии. Политическая и военная активность исламистов в Таджикистане в случае успехов могла спровоцировать гражданский конфликт на всем пространстве Центральной Азии. Поэтому жесткая реакция узбекских властей на этот гражданский конфликт была закономерной. О событиях гражданской войны и активное участие в них исламистов подробнее можно читать в работах автора[27, с.74–84; 28; 29].

Следует отметить, что этот конфликт в конечном итоге был урегулирован благодаря диалогу светских и религиозных сил. На наш взгляд, опыт гражданского конфликта, в ходе которого были выработаны различные модели светско – религиозного диалога, весьма уникален и может быть полезен для всей Центральной Азии. В ходе гражданской войны впервые в новейшей истории Таджикистана Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) легализовала свою деятельность и активно принимала участие в политических процессах постконфликтного времени.

В пост конфликтном периоде ПИВТ стала парламентской партией и легальными методами начала бороться за политическую власть в республике. С одной стороны, легализация ПИВТ, как нам показалось, на какое-то время затормозило развитие радикально – экстремистских настроений среди населения Таджикистана. С другой стороны, некоторые последователи ПИВТ увидели в ее компромиссе с новыми властями РТ отход от принципов и идей, изначально заявленной в исламской партии. Более того, это легализация не решило многие проблемы, связанные с религиозной жизнью в таджикском обществе. После легализации ПИВТ некоторые идейные и активные члены этой партии покинули ее ряды и ушли в подполье, присоединяясь к другим запрещенным религиозным организациям в республике и за ее пределами[30].

Многие бывшие члены ПИВТ влились в ряды Международное исламское движение – "Салафия", которое широко развернуло свою деятельность на территории Таджикистана и Узбекистана. Позже некоторые члены ПИВТ неоднократно отрицали свою связь с этой организацией [30].

В постконфликтном периоде светские власти в Таджикистане приступили к серьезному изучению религиозной ситуации в стране, для того чтобы в дальнейшем принять новый Закон РТ "О свободе совести и религиозных объединениях". Новый закон был принят 05 марта 2009 года, в котором исламская правовая школа "Ханафия" была объявлена официальным религиозным течением[31].

ПИВТ, в отличие от других исламских организаций, поддерживал проект нового закона. Лидер этой партии Мухиддина Кабири по этому поводу заявил следующее: "Данное решение было принято именно потому, что подавляющее большинство мусульман Таджикистана – более 95 %, – исповедуют ислам ханафитского толка. Именно на принципах "Ханафии" построена жизнедеятельность таджиков, "Ханафия" оказывает огромное влияние на формирование культуры – поэтому и было принято решение объявить это течение официальным, что также было закреплено в преамбуле нового закона"[30].

Приняв этот закон и объявив "ханафитский ислам" официальным течением в республике, светские власти перешли в контрнаступление, запрещая деятельность других исламских организаций. Мощная правительственная программа была развернута, прежде всего, против движения "Салафия".

После парламентских выборов в начале 2015 года в Таджикистане произошли очень серьезные события, затрагивающие религиозную жизнь общества. Началась

борьба светской власти против ислама во всех сферах жизни. Борьба имела, прежде всего, идеологический характер и велась против исламизации таджикского общества и политизации ислама в республике. К осени 2015 года была закрыта ПИВТ и ее структуры по всей республике [32, с.431]. Какова будет религиозная ситуация в республике в обозримом будущем, пока не ясно и непредсказуемо. Исследования автора по этой и другим проблемам, касающиеся истории и культуры таджикского народа в дальнейшем будут продолжены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобохонов Р.С. Пережитки древних верований горных таджиков Южного Таджикистана(XX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки", – 2012, – №3, – с. 3–12.
2. Бобохонов Р.С. Реликты доисламских верований у горных таджиков// <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1441802280>.
3. Бобохонов Р.С. Басмачество – как священный джихад против советской власти в Центральной Азии. Ч. 1//www.centrasia.ru/newsA.php?st=1430799600;
4. Бобохонов Р.С. Басмачество – как священный джихад против советской власти в Центральной Азии. Ч. 2// <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1430978880>.
5. Бобохонов Р.С. Ислам и кризис научного мировоззрения в постсоветском Таджикистане//<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1421359500>.
6. Бобохонов Р.С. Ислам и кризис научного мировоззрения в постсоветском Таджикистане// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". –2016, –№10, –с.3–7
7. Полевой архив Р.С. Бобохонова
8. Бобохонов Р.С. Пережитки древних верований горных таджиков Южного Таджикистана(XX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". –№3, –2012, –с.3–12.
9. Бобохонов Р.С. Реликты доисламских верований у горных таджиков// <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1441802280>.
10. Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии//МХЭ. – Вып. 7. – М., 1963, с. 170.
11. Кисляков Н. А. Аловхона – "дом огня" у таджиков // Основные проблемы африканистики: К 70–летию члена–корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. – М., 1973, с. 87–89.
12. Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио–Боло// ТИАЭ АН СССР. – М.; Л., 1936. – Т. 10. – С. 104 – 106.
13. Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин// Военный сборник. – С. – Петербург, 1883. – № 12. С. 319.
14. Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев//Среднеазиатский этнографический сборник. – Вып.2 "Труды ИЭ АН СССР". – Т. 17. М.1959 – С. 54.
15. Хамиджанова М.А. Материальная культура таджиков до и после переселения на вновь орошенные земли. – Душанбе, 1974. – С. 25 – 26.
16. Андреев М.С. По этнографии таджиков// Таджикистан (общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Ташкент. 1925. – Кн.1. – С. 163 – 165;
17. Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 году). – Ташкент, 1927. – С. 164 – 165.
18. Гинзбург В. В. Горные таджики// ТИАЭ АН СССР. – М.; Л., 1937. – Т. 16. – С. 23 – 24.
19. Нурджанов Н. Х. Таджикский народный театр. – М., 1956. – С. 56.
20. Писарчик А. К. Смерть. Похороны/Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1976. – с.118 – 164 и т.д.
21. Бобохонов Р.С. "Мужские клубы" как институт гражданского общества в Таджикистане (XX в.)//Политика и общество.№5. 2012. С.55–65.
22. Бобохонов Р.С. История ислама в Таджикистане// <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1440626040>.
23. Бобохонов Р.С. Таджикистан (XXв.). Упадок и возрождение традиционализма. М., 2010, с.5–6.
24. Усмон Д. Исламский фактор в политических процессах России и стран Центральной Азии. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2009, с.24.
25. Образование ДУМ Средней Азии (САДУМ)// <http://www.idmedina.ru/ussr/?1113>.
26. Бобохонов Р.С. История мужских клубов в Таджикистане // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1440626040>.
27. Бобохонов Р.С. Гражданская война в Таджикистане(1992–1997 гг.). Причины, ход, последствия и уроки//Общественные науки и современность. –№4. – 2011. –С.74–84.
28. Бобохонов Р.С. История гражданской войны в Таджикистане(1992–1997 гг.). Часть первая// www.centrasia.ru/newsA.php?st=1438605720.
29. Бобохонов Р.С. История гражданской войны в Таджикистане(1992–1997 гг.). Часть вторая// www.centrasia.ru/newsA.php?st=1438637640.
30. Мухиддин Кабири: "В новом законе о религии слишком много ограничений"// <http://www.fergananews.com/articles/6097>.
31. Ханафитский мазхаб объявили официальным религиозным течением в Таджикистане. Азия–плюс. 05.03.2009.
32. Бобохонов Р.С. Вопросы новой и новейшей истории Таджикистана. –М.: Научные технологии, –2016, –с.431.